

МОЗАИКА СТРАНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МАКРОРЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Оксана ГАМАН-ГОЛУТВИНА
МГИМО МИД России, НИУ ВШЭ

Аннотация: Статья посвящена характеристике макрорегионального контекста казусно-ориентированных страноведческих исследований в предметном поле политической компаративистики. Формат *case-study* как углубленное изучение одного случая с целью понимания конкретного объекта или даже класса сходных объектов представляет собой рассмотрение конкретного объекта «в моменте». Данный тип исследования характерен получением богатой деталями и подробностями информации о параметрах и характеристиках изучаемого явления и опирается на основанный на наблюдении неэкспериментальный тип очевидности. Одним из распространенных форматов компаративных исследований является сопоставление стран, расположенных в рамках одного региона (порой это макрорегион, порой – целый континент), либо сравнение (макро)регионов с аналогичными образованиями. При многообразии территориальных конфигураций и разнообразии толкований понятия макрорегиона в сравнительной политологии наряду с вышеупомянутыми трактовками при доминировании политического критерия кластеризации сохраняет свое значение также разделение по материкам/континентам и историко-культурологическое разделение по сторонам света Восток-Запад, Север-Юг. Элементы подобного сопоставления представлены в этом выпуске «Сравнительной политики», содержащем статьи с анализом ряда аспектов политики Запада, Латинской Америки и Африки. Представленные кейсы в логике соотношения общего, особенного и единичного способствуют сложению из небольших фрагментов многогранной картины мировой политики в ее региональном разнообразии.

Ключевые слова: case-study, макрорегион, региональные исследования, Латинская Америка, Африка

Как отмечалось ранее в страноведческих выпусках «Сравнительной политики», форматы сопоставлений в политической науке многообразны – как многообразны способы агрегации и обобщения данных. Одним из наиболее востребованных типов исследования выступает казусно-ориентированный подход – изучение отдельного случая (*case-studies*) (Гаман-Голутвина, 2025). Этот тип рассмотрения выступает доминирующим

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина – доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент РАПН, главный редактор журнала «Сравнительная политика», член Общественной палаты РФ и Общественной палаты Москвы, член-корреспондент РАН, профессор-исследователь НИУ ВШЭ.

ORCID: 0000-0002-2660-481X E-mail: ogaman@mail.ru

119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

в журнале «Сравнительная политика». Данный формат анализа как углубленное изучение одного случая с целью понимания конкретного объекта или даже класса сходных объектов представляет собой рассмотрение конкретного объекта «в моменте» (Herron & Quinn 2016). Порой изучение одного случая рассматривается не в качестве разновидности сравнительного исследования, а позиционируется как рядоположенный по отношению к статистическим и экспериментальным методам (Comparative politics, 2011). Изучение случая (случаев) предполагает качественное исследование с использованием малого числа объектов анализа; оно характерно получением богатой детализации и подробностями информацией о параметрах и характеристиках явления и опирается на основанный на наблюдении неэкспериментальный тип очевидности, учитывающий реальный контекст явления и интерпретирующий характеристики особенного явления.

В тех случаях, когда число рассматриваемых объектов более одного, стандартным требованием данного вида познания становится репрезентативность (Gerring 2017; Bates, 2007; Case Studies, 2011), хотя приходится признать, что исследовательская практика выявляет сложности удовлетворения этого запроса. Когда в исследовании рассматривается более одного объекта, исследование обретает формат кросс-каузального (см. напр.: Media, Democracy and Freedom). В тех случаях, когда число рассматриваемых случаев становится статистически значимым, открывается возможность использования количественных методов, что означает совместимость изучения одного случая с рассмотрением множественных объектов. Парадоксальным образом изучение одного кейса может быть совмещено с количественным анализом – в тех случаях, когда в рамках изучения базового явления рассматриваются его различные модификации, что позволяет применять количественные методы (История Российской ассоциации политической науки, 2015).

Особый интерес представляет рассмотрение наиболее «жесткого» случая по принципу: если теория работает в этом случае, то она работает всегда. Данный формат является версией отклоняющегося случая, который дает возможность либо подтвердить существующую теорию, либо отвергнуть ее. Эту стратегию известный компаративист Б.Г. Петерс называет «стратегией Фрэнка Синатры» – по известной песне Синатры «Нью-Йорк, Нью-Йорк», в которой есть такие строки: «Если вы можете сделать это в Нью-Йорке, вы можете сделать это везде».

Одним из распространенных форматов компаративных исследований является сопоставление стран, расположенных в рамках одного региона (порой это макрорегион, порой – целый континент), либо сравнение (макро)регионов с аналогичными образованиями. Элементы подобного сопоставления представлены и в нынешнем выпуске «Сравнительной политики», содержащем статьи, посвященные анализу политики Запада, Латинской Америки и Африки. В этой связи – несколько комментариев относительно терминологии.

Прежде всего, следует отметить многозначность понятия *регион*. Р.Ф. Туровский предлагает рассматривать этот концепт в широком и узком

смыслах. В *широкой* трактовке регион представляет собой «часть государственной территории, которая характеризуется определенными политическими качествами и характеристиками. Регион может быть формальным, т.е. существовать де-юре, являясь, например, административной единицей. Но он также может быть неформальным, и тогда его существование определяется, например, на основании специальных исследований территориальной структуры по тем или иным политическим характеристикам» (Туровский, 2006: 31).

В *узком* смысле политический регион – политико-административная единица первого субнационального уровня – является главной формальной ячейкой политического пространства в любом государстве. Понятие *субрегион* используется для обозначения более низких иерархических уровней территориальной структуры и означает административную единицу второго субнационального уровня (Туровский, 2006: 31). В иерархии уровней управления региональный уровень есть промежуточное звено между общенациональным и локальным уровнями управления. Данным термином характеризуется «имеющая установленные границы территория, обладающая функциональными отличиями от иных территорий, представляющая собой уровень власти, находящийся между государством и местным самоуправлением» (Сардарян, 2014: 670).

В политической практике для понимания роли региона широко используется его трактовка в утвержденной Европарламентом в 1988 г. «Резолюции о региональной политике и роли регионов», содержащей «Хартию регионализации». В данном документе регион трактуется как гомогенное пространство в системе следующих параметров: язык, культура, исторические традиции и интересы, связанные с экономикой и транспортом¹. При этом не все из перечисленных параметров непеременимы в каждом случае – возможна доминантная роль одного-двух критериев. Их сочетание определяет регион как своеобразное взаимодействие территории и населения.

Еще одно измерение термина регион состоит в его применимости как дефиниции группы стран, объединенных на основании географической, климатической, политической или иной общности. На наш взгляд, в тех случаях, когда речь идет об обширном по численности или масштабу территории сообществе, уместно использование термина *макрорегион*. *Макрорегион* – географический ареал, объединяющий несколько сопредельных регионов, обладающих общими историческими и/или географическими, природно-климатическими, административно-правовыми, экономическими, торговыми, социокультурными, этноконфессиональными, демографическими характеристиками.

---

¹ Резолюция о региональной политике и Хартия Сообщества по проблемам регионализации, утверждена 18.11.1988. Документ No A2-0218/88/Parts A and B. Available at: http://aei.pitt.edu/1758/1/ep_resolution_regional_11_88.pdf (accessed 21 May 2025).

Ввиду междисциплинарного характера использования данного термина (применяется в физической, экономической и политической географии, истории, археологии, лингвистике социологии и др. науках), содержание и конфигурация данного понятия зависит от предметного поля конкретной дисциплины. Как правило, для определения совокупности стран/поселений в качестве макрорегиона необходимо их соединение в региональную *систему* экономического/политического/социокультурного взаимодействия, либо объединение общими интересами/целями/задачами. При этом кластеризация нередко определяется конкретными задачами исследования, взаимодействия или управления. Так, Северная Америка является географическим макрорегионом, однако Секретариат ООН в документе «Стандартные коды стран или районов для использования в статистике» выделяет на той же территории три макрорегиона – Северную Америку, Центральную Америку и Карибский бассейн. А в туристическом контексте Америка выступает единым макрорегионом – одним из шести в мире по версии Всемирной туристической организации (ВТО). В более широком обороте понятия «макрорегион» и «регион» в различных познавательных и пользовательских системах могут использоваться как синонимы.

Масштабы макрорегионов могут быть различными – глобальными (объединять несколько стран под эгидой государства-лидера); трансграничными (объединять близлежащие регионы различных стран, либо комбинированно – небольшие страны целиком и сопредельные регионы больших стран); внутригосударственными (представлять собой административно-территориальные единицы).

При многообразии территориальных конфигураций и разнообразии толкований понятия макрорегиона в сравнительной политологии наряду с вышеупомянутыми трактовками при доминировании политического критерия кластеризации сохраняет свое значение также разделение по материкам/континентам. Порой в политической философии и культурологии используется предельно обобщенное историко-культурное разделение по сторонам света Запад–Восток, Север–Юг, а также их сочетания. При этом политические разделительные линии порой не совпадают с географическими. Так, Япония, Южная Корея, Израиль и Австралия, будучи расположены на Востоке, с точки зрения политических ориентиров выступают элементами западного политического сообщества. Ряд современных ультра-атлантистских идеологов европоцентризма, настроенных в русофобском ключе, вопреки географии порой выносят Россию за скобки политических границ Европы наперекор тому факту, что европейская часть РФ занимает 42% европейского континента, и это подтверждает: геополитические построения в большей мере *политические*, чем *географические* – они нередко подвержены влиянию политических пристрастий.

Содержание включенных в представляемый выпуск «Сравнительной политики» статей стало основанием для их кластеризации преимущественно

по политико-географическому и историко-культурному основаниям в три крупных блока – Запад, Латинская Америка, Африка.

Примечательно, что посвященные Западу сюжеты представлены военно-политической тематикой – милитаризация дискурса и фактической политики выглядит как доминирующий тренд эволюции западных политико-формирующих кругов. Известный исследователь военно-политических отношений и политики безопасности Н.И. Бубнова представляет результаты изучения эволюции ядерного курса США на материале сопоставления подходов администраций президентов Б. Обамы, Дж. Байдена, первого срока Д. Трампа и начального периода его второй каденции. Значение избранного ракурса анализа определено нынешним исключительно высоким накалом конфликтности в системе международных отношений – этот накал столь высок, что наблюдатели считают позитивным результатом президентства Дж. Байдена уже тот факт, что российско-американская конфронтация в период его президентства не обрела форму полномасштабной ядерной войны.

Рассмотрение подходов администраций США в период с 2016 г. по настоящее время посредством сопоставления заявленных намерений с реальными шагами позволяет дать адекватную оценку содержанию военно-политических документов периодов президентства Б. Обамы и Дж. Байдена и первой каденции Д. Трампа. Это необходимо для понимания нынешнего и последующего ядерного позиционирования Соединенных Штатов и их отношений с другими государствами.

Сопоставление стратегических позиций перечисленных администраций может считаться «жестким» случаем сравнения, поскольку основополагающие установки Обамы и Байдена с одной стороны и Трампа – с другой не просто различны, но характеризуются глубокими концептуальными разногласиями в области внутренней и внешней политики. А их разработчики принадлежат к враждующим сегментам американской политической элиты, и не только по критерию партийной аффилиации (Gaman-Golutvina, 2018). Тем более убедительны результаты анализа ядерной политики США, которые показывают: несмотря на глубочайшие расхождения между перечисленными администрациями по многим направлениям, ядерная стратегия США характеризуется значительной степенью устойчивости. Главное состоит в том, что сохраняется заявленное в основополагающих американских военно-политических документах базовое допущение вероятности военного конфликта с ведущими ядерными державами, равно как и линия противостояния одновременно Китаю и России, а также оценка Северной Кореи и Ирана как создающих угрозу для Вашингтона и потенциально способных консолидировать свои усилия с Пекином и Москвой в случае конфликта. Кроме того, остается в силе принципиальная и долгосрочная установка на качественное технологическое превосходство над любым вероятным противником в XXI в., что характеризует в равной мере военную политику Б. Обамы, Дж. Байдена, и Д. Трампа в период обоих сроков его президентства.

На наш взгляд, эту концептуальную позицию можно рассматривать в качестве проявления более общей устойчивой стратегии, состоящей в безусловной приверженности силе в международных отношениях, что свойственно администрациям США различных периодов (Политический класс в современном обществе, 2012). Ранее мне доводилось приводить результаты исследования известных американских политологов Гвен Мур и Стефани Мак, которые в работе *«От Вьетнама до Ирака: Взгляды американской элиты на применение военной силы»* (Moore & Mack 2007) подвергли скрупулезному анализу отношение различных администраций США к использованию силы во внешней политике в период с середины 1970-х годов до начала «войны с террором» в начале 2000-х гг. На мой взгляд, это исследование – в силу охвата и одновременно нюансированности рассмотрения, а также вовлеченности в орбиту изучения различных по партийной принадлежности и иным параметрам администраций США – может считаться знаковым. Г. Мур и С. Мак на эмпирическом материале показали, что устойчивая приверженность внешнеполитической элиты США императивам силы в международной политике – либо классической жесткой, либо гибкой силе – является не только предметом межпартийного согласия, но устойчивым элементом более широкого консенсуса в среде американского политического класса. Полученные данные показали, что большинство лидеров США, по крайней мере в течение последней четверти XX века, одобряли использование военной силы для достижения внешнеполитических целей страны. И подтвердили мнение о том, что большинство представителей американской элиты разделяют «силовой» модус политической стратегии, и при различных администрациях Соединенные Штаты склонны к использованию военной мощи даже без поддержки союзников (Moore & Mack, 2007). Убедительность результатам исследования придает изучение этой установки применительно к различным сегментам политико-формирующих кругов (включая их партийное, гендерное, образовательное и другие измерения), а также рассмотрение данного модуса в динамике: *«Если в 1975 году, через несколько месяцев после ухода США из Вьетнама, лишь немногие лидеры поддерживали применение военной силы за рубежом, то за три десятилетия после этого антимилитаристские взгляды сменились решительной поддержкой применения военной силы в различных международных ситуациях. К 1986 году большая часть поствьетнамского сдержанного отношения к применению силы изменилась на противоположное, и с 1986 года мнения стали более воинственными. Эти результаты свидетельствуют о долгосрочной тенденции к повышению уровня одобрения американскими лидерами применения военной силы. Временное нежелание делать это после войны во Вьетнаме было аномалией»* (Moore & Mack, 2007).

Упомянутое исследование охватило последнюю четверть XX века и начало XXI в., авторы не располагали статистически достоверными эмпирическими данными, характеризующими отношение американских администраций к использованию военной силы в период до 1975 года. Между тем в этом плане можно опереться на другие исследования. В данном контексте

уместно сослаться на свидетельства Ч. Райта Миллса, который в середине 1950-х гг. представил обобщенную характеристику умонастроений американских политиков в XX в. и констатировал их устойчивую приверженность силовым стратегиям: «...У американской элиты нет никакого реального представления о мире... Единственный серьезно принятый план «мира» – это полностью заряженный пистолет» (Mills, 1956: 185). Приведенная цитата, очевидно, представляет собой крайне категоричную гиперболу, однако, учитывая, что приведенная мысль принадлежит общепризнанному, в том числе авторитетному в США, американскому автору, который детально исследовал политику современных ему правительств, игнорировать эту оценку вряд ли возможно. Обобщенную характеристику американских элит второй половины XX – начала XXI вв. представляет в значительном числе работ другой известный исследователь американских политико-формирующих кругов, заслуженный профессор психологии и социологии Калифорнийского университета в Санта-Круз Уильям Домхофф. Он также констатировал приверженность американского политического класса силовым стратегиям (Mills & Domhoff, 2023; Domhoff, 2022; Domhoff, 2020; Domhoff, 2006: XIII-XIV; Domhoff et al., 2018). Применительно к установкам администраций США конца XX – начала XXI вв. уместно сослаться также на работы почетного профессора истории и международных отношений Бостонского университета (США), полковника американской армии в отставке Э. Басевича и почетного профессора управления и социологии Университета Техас (Остин, США), лауреата почетной награды Фонда Маттеи Догана 2025 года Дж. Хигли, которые в различных контекстах и на различном материале показали возрастания «вертикального измерения» демократии, усиление приверженности директивному стилю лидерства и готовность к использованию силовых стратегий (Higley, 2006: 165; Higley, 2007; Higley, 2016. Higley, 2023; Vacevich, 2005: 33; Vacevich, 2009; Vacevich, 2010; Vacevich, 2013). Нельзя не отметить, что перечисленные авторы не принадлежат сообществу «монистов» – они исходят из высокой гетерогенности американской политической элиты, однако констатируют доминирующее влияние ее жестко настроенной фракции, очевидно преобладающей в структуре политического класса.

Для понимания нынешних умонастроений западных политико-формирующих кругов весьма красноречива эволюция военной политики Швеции и Финляндии, которые на протяжении длительных периодов придерживались политики юридического или фактического нейтралитета: Швеция с 1815 г. следовала политике юридически закрепленного нейтралитета; Финляндия соблюдала нейтралитет *de facto* на протяжении всего периода Холодной войны, а в 2024 и 2023 гг. соответственно обе страны стали членами НАТО. Посвященная этому кейсу статья И.С. Дорошенко продолжает начатое «Сравнительной политикой» в 2024 году обсуждение данной темы. Проведенный ранее анализ вхождения Финляндии и Швеции в Североатлантический альянс показал, что следствием этих событий стало несомненное повышение угроз для Российской Федерации. В условиях продолжения вооруженного

конфликта высокой интенсивности в центре Европы этот процесс выступает как элемент курса НАТО на общее повышение ставок, рост издержек России и растягивание периметра ее потенциалов сдерживания. Существенное изменение политики Финляндии и Швеции по отношению к НАТО в 2023 – 2024 гг. выглядит неожиданным только на первый взгляд. Если обратиться к ретроспективному рассмотрению политики этих стран, то очевидно, что страны Северной Европы и ранее стремились играть особую роль в расширении ЕС и НАТО, выступая в качестве проводников в евроатлантические структуры (исходно для стран Балтии, позже – для стран Восточного партнерства) и желая ограничить влияние России на эти страны. К настоящему времени страны Северной Европы отказались от прежней особой позиции в сфере внешней и оборонной политики, энергично интегрируются в институты ЕС и НАТО, что подтверждает долгосрочный характер их стратегического курса на противостояние России. И.С. Дорошенко системно выявляет роль и конфигурацию внутренних и внешних факторов, обусловивших смену политического курса рассматриваемых стран. Ценность данного исследования помимо прочего состоит в выявлении исходных мотивов движения Финляндии и Швеции в НАТО, которое возникло еще до начала в 2022 году специальной военной операции, ставшей, скорее, катализатором этого движения. Среди наиболее значимых внутренних исходных факторов, определивших продвижение в структуры НАТО, – переориентация политических элит Финляндии и Швеции на более тесный альянс, включая военный, со структурами НАТО; лоббизм военно-промышленного комплекса, который был заинтересован в расширении доступа к рынкам стран НАТО и активно продвигал идею членства в альянсе в общественном мнении Финляндии и Швеции, в том числе с использованием надуманных мифов о российской угрозе. Среди ключевых внешних факторов – климатические изменения, открывшие новые логистические возможности в Арктике и расширившие перспективы освоения арктических месторождений полезных ископаемых; восстановление влияния России в регионе; политическое воздействие на Финляндию и Швецию со стороны НАТО. Вхождение Финляндии и Швеции в НАТО трансформирует форматы арктического сотрудничества, существенно меняет архитектуру безопасности в регионе и ведет к дальнейшей милитаризации Арктики, что, в свою очередь, расширяет зону потенциальной международной конфликтности. Высокий в настоящее время эскалационный военно-политический потенциал на севере Европы получает новый импульс к росту.

Обращение авторов «Сравнительной политики» к реалиям иного макрорегиона – Латинской Америки – представляет другую картину: использование вооруженных сил при разрешении межгосударственных конфликтов здесь весьма не популярно. Это нашло отражение в решении Саммита Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК) 2014 года, согласно которому Америка была объявлена Зоной Мира, где любые споры подлежат разрешению путем переговоров на основании соблюдения принципов национального суверенитета. Это решение было выстраданным

итогом переосмысления богатой внутренними конфликтами и внешними экспансиями истории континента и результатом понимания того, что диалог и сотрудничество являются необходимыми условиями социально-экономического развития региона. Это огромный шаг вперед для стран Латинской Америки и Карибского бассейна, на протяжении многих десятилетий XX в. являвшихся зоной политической нестабильности, где противостояние различных по политико-экономическим ориентациям сил различной природы оставалась отличительной особенностью. Нередко конфликты в Латинской Америке проходили с привлечением вооруженных сил, что стимулировало выход на авансцену общественно-политической жизни армии, бравшей на себя роль арбитра в противостоянии различных политических сил. Тем больший интерес на фоне согласия стран континента в пользу преимущественно мирного разрешения межгосударственных споров представляет рассмотрение А.Д. Губским конфликта Боливарианской Республики Венесуэлы и Кооперативной Республики Гайана по поводу территориальной принадлежности богатого ресурсами региона Эссекибо, занимающего две трети территории Гайаны. Значимость данного кейса определена тем, что территориальный спор между Гайаной и Венесуэлой на протяжении последних 60 лет входит в число важных проблем латиноамериканской политической повестки. Парадоксально, что Венесуэла как обладатель самых крупных запасов нефти в мире (около 19% мировых запасов), на протяжении многих лет ощущающая на себе давление могущественного северного соседа, стремящегося завладеть венесуэльскими природными дарами, сама не прочь присоединить соседнюю территорию. Новый импульс территориальный спор обрел после открытия в 2015 г. на территории региона Эссекибо крупного месторождения нефти, что положило начало стремительному развитию нефтегазовой отрасли страны. В настоящее время требование вернуть Эссекибо не просто имеет поддержку в венесуэльском обществе, но даже стало частью его национальной идентичности. А для Гайаны регион имеет не только важное политическое и возрастающее экономическое значение, но и очевидно экзистенциальный смысл. На основании изучения истории вопроса А.Д. Губский показывает, что, несмотря на неизменность с момента обретения независимости позиции Гайаны в территориальном споре с Венесуэлой, переговорная стратегия правительства страны подвергалась тактическим корректировкам и активно использовалась правительством в качестве инструмента удержания власти в беспокойные для правительства периоды обострения межпартийной конкуренции и осложнения экономической ситуации в стране. Очевидно, что конфликт далек от разрешения и останется в латиноамериканской повестке надолго, что дополнительно аргументирует рассмотрение этого кейса.

«Сравнительная политика» обращается также к еще одной наболевшей проблеме Латинской Америки – криминализации общественных отношений. Этот аспект значим с той точки зрения, что исходно криминализация – это феномен из административно-правовой сферы, однако в ситуации непомерного разрастания преступность грозит стать фактором внутривнутриполитической

дестабилизации и поколебать устойчивость государственных институтов. В логическом пределе – привести к утрате государством контроля над внутренними процессами и/или территориями. Перефразируя известную мысль Л.Н. Толстого, можно сказать, что все состоявшиеся государства в той или иной мере похожи друг на друга, а их антиподы – государства-неудачники – неуспешны по-своему. Специфика слабой государственности по-латиноамерикански состоит – помимо внутренней социально-экономической конфликтности и давления северного соседа в лице США – в высокой степени криминализации общественных отношений. Несомненно, преступность в странах ЛАКБ подпитывается внутренними проблемами (социально-экономическая поляризация, значительные сегменты массовой бедности, ограниченные возможности получения образования, несистемные меры по борьбе с преступностью и др.). Латиноамериканский кейс показывает: мутация правовой проблемы в политическую неминуема при обретении преступностью высокоорганизованного характера и ее сращивания с частью государственного аппарата. Особо серьезную опасность представляет собой организованная преступность в случае ее трансграничного масштаба, которому благоприятствуют глобализация экономик и информационно-коммуникационная революция, многократно расширившая возможности взаимодействия поверх национальных границ.

Проблема преступности в Латинской Америке столь остра, что часть общества стран континента поддерживает неоднозначный опыт главы Сальвадора Найиба Букеле (провозгласившего себя *«самым крутым диктатором в мире»*), который после избрания президентом в 2019 г. развернул чрезвычайную по масштабам и методам борьбу с оргпреступностью страны. Эксперты отмечают, что подходы Букеле серьезно отличаются от практик латиноамериканских правительств эпохи «левого поворота», когда предпочтение отдавалось социальным мерам поддержки населения, улучшению условий содержания в тюрьмах и смягчению наказаний. Эти меры имели ограниченный успех, так как напрямую зависели от экономической конъюнктуры на мировых рынках. И после кризиса 2008 г. и падений цен на нефть были свернуты в большинстве крупных стран региона. Жесткие меры борьбы Букеле с бандами (которые определяют его критиками как *«карательный популизм»*) сопровождаются масштабными ограничениями демократических свобод и прав человека, насилием со стороны полицейских и сочетаются с технологическими нововведениями. Нельзя не отметить, что эти чрезвычайные шаги находят широкое одобрение в обществе, уставшем от многолетнего преступного кошмара (наложившегося на последствия десятилетий гражданской войны в Сальвадоре), что не в последнюю очередь может быть также связано с эффективно выстроенной в СМИ кампанией сопровождения имиджа Букеле как лидера нации, решающего эпохальную задачу защиты населения от криминального произвола (Кряжев, 2024).

К.С. Стригунов обращается к анализу того, как транснациональные преступные картели способны интегрировать в свою орбиту сопредельные

страны. На примере вовлечения эквадорских банд в транснациональную преступную сеть из Колумбии и Мексики показано, что транснациональная преступность способна создавать не просто преступные анклав в соседних странах, но и содействовать в них возникновению криминальных мятежей посредством интеграции местных банд в транснациональные преступные сети. Показывая, как возникновение криминальных мятежей в Мексике и Колумбии способствовало возникновению аналогичных событий в Эквадоре (через который проходит половина кокаинового транзита из Колумбии), автор проследживает, как все более масштабное разрастание криминализации не просто ведет к внутривнутриполитической дестабилизации, но обретает формат внутреннего вооруженного конфликта. Принципиально значимый для сравнительной политологии тренд состоит в том, что развитые преступные организации способны обретать политическую субъектность в связи с возможностью устанавливать контроль над территориями и таким образом оспаривать монополию государства на легитимное насилие, создавая прямую угрозу его территориальной целостности и суверенитету. Результатом криминальных мятежей в Колумбии и Мексике стало формирование аналогичных криминальных анклавов в Эквадоре, чреватых криминальными мятежами с признаками внутренних вооруженных конфликтов. Это подтверждает: ни природа, ни социальная жизнь не терпят «пустот»: ослабление государственных институтов ведет к разрастанию криминалитета. Данное суждение применимо не только для *failed states*, но и для внешне устойчивых государств.

Сочетание экономической неустойчивости, социальной поляризации, политической конфликтности накладывается в странах ЛАКБ на витальность молодой цивилизации, возникшей в результате синтеза различных цивилизационных традиций и метисации населения. Не случайно латиноамериканскую цивилизацию – самую молодую на планете – эксперты относят к числу пограничных: многообразие здесь преобладает над единством и отсутствует цельная монолитная духовная основа (Хенкин, 2020: 643). В системе международных отношений регион представляет значительный интерес для Российской Федерации, что определяет востребованность эффективной политики России в ЛАКБ. Известный знаток региона В.Л. Хейфец анализирует эволюцию и перспективы политики России на континенте с учетом фактора специальной военной операции.

На протяжении нескольких десятилетий XX в. страны региона по геополитическим причинам входили в орбиту активного интереса СССР, а некоторые из них, прежде всего, Куба, являлись его деятельными союзниками. В последнее десятилетие XX века Россия практически ушла из региона, утратив многие из прежних позиций и связей, однако в начале XXI в. интерес к региону отчасти восстановился. А после начала специальной военной операции на фоне резкого обрыва взаимодействия с прежними контрагентами на Западе возник активный запрос на активизацию экономических и иных связей со странами континента. В настоящее время укрепление разнообразного по содержанию взаимодействия со странами континента

призвано решить широкий спектр задач – от политической поддержки российских энергетических и военно-промышленных компаний до укрепления геополитических позиций, трактуемых в духе концепции полицентричного мира. Важнейшим отличием современной внешней политики РФ от советской модели являются прагматизм, принципиальная деидеологизация и категорическое дистанцирование даже от гипотетической возможности вмешательства во внутренние дела стран региона. Новым форматом взаимодействия России с регионом стал БРИКС, членом которого с момента создания являлась Бразилия (Модернизация и демократизация в странах БРИКС, 2015).

Расширение присутствия России на континенте требует решения ею целого ряда задач – от более глубокого понимания российским бизнесом латиноамериканских реалий до диверсификации (а порой и создания с нуля) институциональной инфраструктуры взаимной торговли и стимулирования интереса местного бизнеса к сотрудничеству с российскими структурами. В практическом плане важно выявление В.Л. Хейфецем тех проблем, что препятствуют приданию динамизма российской политике: заметное отставание России в экономической динамике от Индии и КНР, ограниченность инвестиционных возможностей российских банков, слабое знание отечественными предпринимателями местных реалий и непродолжительность опыта работы на латиноамериканских рынках, экономическая конкуренция на континенте со стороны КНР. После начала СВО сказываются также западные санкции, включая ограничения на получение заинтересованными местными компаниями сырья и удобрений из РФ, невозможность использования системы *SWIFT*. Государства ЛАКБ сохраняют заинтересованность в поддержании стабильных торгово-экономических отношений, технологических и инвестиционных связей с Россией, исходя из желательности минимизации политической составляющей.

Третьим – по представлению, но не по значению – объектом рассмотрения в настоящем выпуске являются африканские сюжеты. Устойчивые ассоциации континента с бедностью, отсталостью и колониальными войнами во многом остались в прошлом. Права известный отечественный исследователь Африки И.О. Абрамова: сегодня Африка находится в положении тигра перед прыжком, как Китай в середине 1990-х гг. Это континент возможностей, и прежде всего, широко трактуемых ресурсных (Абрамова & Чкония, 2023). Речь идет, в том числе, о демографических параметрах. Африка – это почти 1,5 млрд человек, из которых молодежь до 25 лет составляет порядка 60 процентов. Кладовая полезных ископаемых континента включает не только традиционно упоминаемые золото, платину, драгоценные камни, но также – что особенно значимо – необходимые для развития современных высокотехнологичных отраслей запасы. Причем не все из них даже полноценно разведаны, что выводит Африку в эпицентр конкуренции мировых игроков, и отнюдь не только в качестве обладателя ценных материалов. Ряд стран континента демонстрируют средние и даже высокие темпа роста – достаточно упомянуть, что новому члену БРИКС Эфиопии в течение последних 10 лет удалось

достичь темпов экономического роста в среднем в 9,4% в год, что является одним из самых высоких показателей в мире². Причем драйверами роста выступают промышленный сектор (рост на 9,2%), сектор услуг (7,7%) и сельское хозяйство (7%). И хотя прогнозный показатель для 2025 года ниже – ожидается 6,4%, предшествовавший рост способствовал развитию ключевого для дальнейшей эволюции сектора высшего образования: число университетов выросло с 8 в 2002 г. до 46 в 2023 г.³ (Уфимцев & Замесина, 2025). Не случайно Африка форсирует развитие цифровых технологий (Динамика инноваций, 2011), чему также способствует высокий удельный вес молодежи в структуре населения. В целях укрепления суверенитета и расширения круга экономических партнеров африканские страны активно интегрируются в разноформатные международные структуры – не случайно из десяти стран БРИКС три расположены в Африке. Здесь созданы восемь региональных экономических сообществ и Африканская континентальная зона свободной торговли.

Это объясняет жесткость международной конкуренции за Африку, в которой участвуют как исторически присутствовавшие на континенте европейские страны (прежде всего, Франция, но также Великобритания и Германия), так и новые игроки – США, Китай, Индия, Япония, Турция, Бразилия. И, конечно, на континент возвращается Россия, свидетелем чему стали два форума Россия – Африка в 2019 и 2023 гг. Конечно, многие из широко трактуемых инвестиций, вложенных в континент в предшествовавший исторический период, когда СССР построил порядка 300 крупных промышленных предприятий и порядка 1000 социально-экономических объектов, к настоящему времени можно зачислить в «невозвратные потери», однако возможности дальнейшего освоения Африки не утрачены.

Из европейских стран наибольшую активность в регионе демонстрирует Франция, сохраняющая свое влияние во франкофонных странах с акцентом на военное присутствие в ряде из них и на культурно-образовательное сотрудничество – на континенте в целом. Франция еще в 1973 г. положила начало традиции проведения саммитов с африканскими государствами, причем до 1988 г. они проводились ежегодно, позже – два раза в год: один саммит проходил в Африке, второй – во Франции. После избрания президентом Франции Э. Макрона формат был изменен в пользу более демократичного – в настоящее время участниками выступают не первые лица, а общественные организации. Состоявшийся в 2021 г. в Монпелье форум позиционировался как новый саммит Африка – Франция. Основная цель форумов – сохранение французского влияния в Африке (Абрамова & Чкония, 2023).

² The World Bank in Ethiopia (2025) *World Bank Group*, 24 April. Available at: <https://www.worldbank.org/en/country/ethiopia/overview> (accessed 15 August 2025).

³ Tamrat W. (2022) Greater autonomy in public sector will affect private HE. *University World News*. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/364478500> (accessed 15 August 2025).

В понимание актуальной французской версии технологии «уйти, чтобы остаться» вносит вклад В.А. Ильин, представивший детальный анализ концепции «Франсафрик» как формы постколониального дискурса и особой модели франко-африканских отношений, сложившейся в период деколонизации и сохранившейся в постколониальную эпоху. В отечественной литературе «Франсафрик» интерпретируется преимущественно с позиций неореализма – как сеть неформальных связей между политическими, финансовыми, дипломатическими, военными кругами Франции и африканских государств, а по сути – механизм реализации французской неоколониальной политики, включающий электоральные манипуляции, экономический контроль, монетарную и культурную политику, подготовку военных и гражданских кадров, способствующие воспроизводству зависимости бывших колоний от метрополии. В заслугу автору можно поставить то, что неореалистскую трактовку «Франсафрик» он дополняет пониманием этого феномена через конструктивистскую оптику. Ильин показал, что «Франсафрик» сформировался не только как сеть неформальных связей и институтов, но также как дискурс с акцентом на нарративах об «особых отношениях», «братстве», «семье Франция – Африка» и «исторической предопределенности сотрудничества». Подобный взгляд призван осмыслить как истоки устойчивости «Франсафрик», так и причины ее современного кризиса, связанного с геополитическими трансформациями и возникновением дискурсов, артикулируемых другими международными игроками.

Очевидно, что обретение подлинной независимости невозможно без формирования суверенного и устойчивого национального самосознания, вне формирования соответствующей национально-государственной идентичности. В данном отношении представляют интерес рассмотренный Т.М. Кадырмамбетовым кейс Королевства Марокко в ракурсе роли фактора идентичности в формировании внешней политики. Выбор этого сюжета тем более обоснован, что исторический генезис Королевства способствовал формированию в Марокко острого восприятия вопросов суверенитета и национальной целостности. Очевидно, что существенную роль в предопределении внешнеполитической идентичности государства играет географическое положение. В случае Марокко в качестве значимого «Другого» выступают несколько ключевых «пространств», в которых складывается внешнеполитическая идентичность: страны Магриба; арабо-мусульманский мир; государства Африки; ряд европейских культур; глобальное пространство. Важным обстоятельством формирования внешнеполитического самосознания Марокко стал Алжиро-Марокканский пограничный военный конфликт (известный также как Песчаная война) 1963 г. по поводу принадлежности запасов железной руды в районе Коломб-Бешара и Тиндуфа. И хотя обеими сторонами в 1972 г. были подписаны соглашения о границе, и эти соглашения ратифицированы участниками (Алжиром в 1973 г., Марокко – в 1989 г.), тем не менее соседнее государство воспринимается в Марокко до сих пор как один из ключевых внешнеполитических вызовов. При этом заметную

роль в процессе формирования марокканской национальной идентичности автор отводит Западной Сахаре, контроль над которой служит инструментом укрепления легитимности власти и консолидации общества. Автор показывает, как осознание себя частью нескольких разных культурных пространств способствует формированию прагматичной внешней политики.

Предложенный Н.А. Паниным кейс Нигерии служит органическим продолжением марокканского в том смысле, что Нигерия в своей внешнеполитической идентичности сочетает разноплановые измерения, активно встроена в систему международных отношений различного уровня и весьма представительно участвует в руководящих структурах международных организаций. Все это не только выражает международное измерение ее идентичности, но также служит дополнительным рычагом решения внутренних задач и позволяет продвигать международный имидж страны. Кейс Нигерии характерен как прецедент того, что после обретения независимости страна не дистанцировалась от прежней метрополии, а осталась в ее орбите не только фактически, но и институционально – в качестве члена Содружества наций, в состав которого она была принята в момент обретения независимости в 1960 г. и остается его участником также в настоящее время. Возможно, в том числе членство в Содружестве и соответствующая идентичность способствуют столь активной представленности страны в международных организациях – в ООН, Движении неприсоединения, ОПЕК, ФАО, Организации исламского сотрудничества и др. Несомненно, ключевым институтом для Нигерии выступает ООН – страна участвует в работе Совета безопасности ООН, нигерийцы занимали ответственные посты в руководстве этой организации, в том числе неоднократно – в ранге заместителя Генерального секретаря ООН и председателя Генеральной ассамблеи ООН.

Представленность Нигерии в международных структурах позволяет ей транслировать в международную повестку собственные приоритеты и лоббировать свои интересы. Проявленный ранее интерес к БРИКС подвинул ее присоединиться в январе 2025 г. к БРИКС в качестве партнера, будучи заинтересованной в реализации значимых проектов при поддержке Нового банка развития БРИКС. Участие в ОПЕК и ФАО принципиально для экономики страны, поскольку позволяет компенсировать зависимость от экспорта нефти и привлекать средства для решения продовольственных проблем.

Заслуживающий внимания кейс разбирается Д.И. Исламовым, который анализирует усилия Турции по расширению своего присутствия в странах «Сахельской тройки» (Мали, Буркина-Фасо, Нигер). Изучение этапов расширения вовлеченности Турции в африканские процессы показывает, что, начиная с нулевых годов XXI в., она стала проявлять интерес к региону, апеллируя к отсутствию собственного колониального прошлого в Африке, и вошла в число новых игроков в регионе, продвигая свои интересы сначала посредством публичной дипломатии и экономической коллаборации. Исходно публичная риторика, в том числе на площадках инициированных Турцией саммитов «Турция – Африка», была призвана позиционировать

страну преимущественно в торгово-экономическом векторе. Позже спектр направлений расширился, и в настоящее время профильным выступает военно-техническое сотрудничество, включая поставки военной техники, и подготовка военных специалистов: страна позиционирует себя в качестве альтернативного поставщика безопасности в Сахельском регионе.

Завершая обзор представленных в настоящем выпуске кейсов, можно резюмировать, что все они в целом традиционны для формата *case-study* – способствуют углубленному пониманию того или иного конкретного предмета, что призвано расширить границы известного не только непосредственно об изучаемом объекте, но нередко также о родственном классе объектов. Ценность представленной в нынешнем выпуске «Сравнительной политики» картины состоит в том, что она позволяет лучше понять глубинные истоки нынешнего недружественного расположения к России западного политического сообщества. Латиноамериканские кейсы облегчают постижение природы сдержанности в развитии сотрудничества со странами региона и уточняют представления о возможностях и технологиях расширения сотрудничества с ними. Африканские кейсы дополняют традиционные неореалистские подходы конструктивистской оптикой и демонстрируют в том числе роль вопросов идентичности, исторической памяти и политического языка в формировании национального самосознания. Таким образом, в логике соотношения общего, особенного и единичного из небольших фрагментов складывается многогранная полифоничная картина мировой политики в ее региональном разнообразии.

Список литературы:

1. Абрамова И.О., Чкония Л.Е. (2023) Контуры Глобального Юга: Африка в центре межгосударственного противостояния и позиции России. *Сравнительная политика* 14(1-2):183-198. DOI: 10.46272/2221-3279-2023-1-2-14-183-198.
2. Бусыгина И.М., Окунев И.Ю. (ред.) (2015) *Модернизация и демократизация в странах БРИКС*. Москва: Аспект Пресс.
3. Гаман-Голутвина О.В. (2025) Мозаика страноведческих исследований: казусно-ориентированный подход. *Сравнительная политика* 16(1): 4-24. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-16-1.
4. Гаман-Голутвина О.В. (ред.) (2012) *Политический класс в современном обществе*. Сер. Библиотека Российской ассоциации политической науки. Москва: Росспэн.
5. Кряжев И. (2024) Сальвадорский опыт борьбы с преступностью и перспективы экспорта «модели Букеле». *Российский совет по международным делам*, 24 января. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/latin-america/salvadorskiy-opyt-borby-s-prestupnostyu-i-perspektivy-eksporta-modeli-bukele/> (дата обращения: 15.08.2025).
6. Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. (ред.) (2015) *История Российской ассоциации политической науки*. Сер. Российская политическая наука: Истоки и перспективы. Москва: Аспект Пресс.
7. Сардарян Г.Т. (2014) Регионализация и федерализация в контексте трансформации форм политико-территориального устройства государств. *Политика и общество* 6(114). DOI: 10.7256/1812-8696.2014.6.12359.

8. Супрун В.И. (ред.) (2011) *Динамика инноваций*. Новосибирск: ФСПИ «Тренды».
9. Туровский Р.Ф. (2006) *Политическая регионалистика*. ГУ ВШЭ. 792 с.
10. Уфимцев А.А., Замесина С.Н. (2025) Интеграция новых африканских членов БРИКС: пример научно-образовательной политики. *Сравнительная политика* 16(1):68–88. DOI: 10.46272/2221-3279-2025-1-16-4.
11. Хенкин С.М. (2020) Траектории развития политических систем стран Латинской Америки. В: Гаман-Голутвина О.В. (ред.) *Политическая компаративистика*. М.: Аспект Пресс. с. 643–665.
12. Bacevich A.J. (2005) *The New American Militarism: How Americans Are Seduced by War*. New York: Oxford University Press.
13. Bacevich A.J. (2009) *The Limits of Power. The End of American Exceptionalism*. New York: Henry Holt and Company.
14. Bacevich A.J. (2010) *Washington Rules. America's Path to Permanent War*. New York: Metropolitan Books.
15. Bacevich A.J. (2013) *Breach of Trust. How Americans Failed Their Soldiers and Their Country*. New York: Metropolitan Book.
16. Bates R. (2007) From Case Studies to Social Science: A Strategy for Political Research. In: Boix C., Stokes S. (eds) *The Oxford Handbook of comparative politics*. Oxford University Press.
17. Case Studies (2011) In: Badie B., Berg-Schlosser D., Morlino L. (eds.) *International Encyclopedia of Political Science*. Vol. 2. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore; Washington D.C.: Sage.
18. Comparative politics (2011) In: Badie B., Berg-Schlosser D., Morlino L. (eds.) *International Encyclopedia of Political Science*. Vol. 2. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore; Washington D.C.: Sage.
19. Domhoff W.G. (2006) *Who Rules America: Power and Politics*, 5th ed. N.Y.: McGraw-Hill.
20. Domhoff W.G. (2020). *The Corporate Rich and the Power Elite in the Twentieth Century: How They Won and Why Labor and Liberals Lost*. Abingdon, UK: Routledge.
21. Domhoff W.G. (2022). *Who Rules America? The Corporate Rich, White Nationalist Republicans, and Inclusionary Democrats in the 2020s*. Abingdon, UK: Routledge.
22. Domhoff W.G. et al. (2018) *Studying the Power Elite. Fifty Years of Who Rules America?* N.Y.: Routledge.
23. Dyczok M., Gaman-Golutvina O.V. (eds.) (2009) *Media, Democracy and Freedom: The Post-Communist Experience* (Ser. 6 Interdisciplinary Studies on Central and Eastern Europe). Bern: Peter Lang.
24. Gaman-Golutvina O. (2018) Political Elites in the USA under George W. Bush and Barack Obama: Structure and International Politics. *Historical Social Research* 43(4): 141–163. DOI:10.12759/hsr.43.2018.4.141-163.
25. Gerring J. (2017) *Case Study Research: Principles and Practices*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press. 2nd ed.
26. Herron M.C., Quinn K.M. (2016) A Careful Look At Modern Case Selection Methods. *Sociological Methods Res* 45(3): 458–92. DOI: 10.1177/0049124114547053.
27. Higley J. (2006) The Bush Elite: Aberration or Harbinger? In: O'Connor B., Griffiths M. (eds.) *The Rise of Anti-Americanism*. London: Routledge. p. 155–168.
28. Higley J. (2016) *The Endangered West. Myopic Elites and Fragile Social Orders in a Threatening World*. N.Y.: Routledge.
29. Higley J. (2023) *Western Elites and Societies in Twenty-First Century Politics Avoiding Calamity*. Palgrave Macmillan.
30. Higley J., Pakulski J. (2007) Elite and Leadership Change in Liberal Democracies. *Comparative Sociology* 6(1–2): 6–26. DOI: 10.1163/156913307X187388.
31. Mills C.W. (1956) *The Power Elite*. New York: Oxford University Press.
32. Mills T., Domhoff W. G. (2023) The policy-planning capacity of the American corporate community: Corporations, policy-oriented nonprofits, and the inner circle in 1935–1936 and 2010–2011. *Theory and Society* 52 (4): 1067–1096. DOI:10.1007/s11186-023-09527-2.

33. Moore G., Mack S. (2007) From Vietnam to Iraq: American Elites' Views on the Use of Military Force. *Comparative Sociology* 6 (1-2): 215-231. DOI:10.1163/156913307X187450.

Comparative Politics. Volume 16. No. 2. April–June / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-2-16-1

MOSAIC OF REGIONAL STUDIES IN A MACROREGIONAL CONTEXT

Dr. Oksana V. GAMAN-GOLUTVINA – Head, Department of Comparative Politics, MGIMO University; President, Russian Association of Political Science; Editor-in-Chief, "Comparative Politics Russia" Journal; Member, Civic Chamber of the Russian Federation and Moscow; Corresponding Member, Russian Academy of Sciences; Professor, HSE Univeristy.

ORCID: 0000-0002-2660-481X. E-mail: ogaman@mail.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Abstract: The article covers the macro-regional context of case-oriented regional studies in political comparative studies. The case-study format is an in-depth study of a single case in order to understand a specific object or even a class of similar objects, and is a consideration of a specific object "in the moment". This type of research is characterized by obtaining detailed information on the parameters and characteristics of the phenomenon scrutinizing and is based on a non-experimental type of evidence based on observation. One of the effective formats of comparative research is countries comparison located within the same region (sometimes it is a macroregion, sometimes it is an entire continent), or comparison of the (macro)regions with similar entities. A variety of territorial configurations and a variety of interpretations of the concept of a macroregion in comparative political science, along with the above-mentioned interpretations, the division by continents/continents and the historical and cultural division by cardinal directions East-West, North-South also retain their importance. Elements of such a comparison are presented in this issue of "Comparative Politics", which contains articles analyzing a number of aspects of Western, Latin American, and African politics.

Keywords: case-study, macroregion, regional studies, Latin America, Africa.

References:

1. Abramova I.O., Chkonia L.E. (2023) Kontury Global'nogo Yuga: Afrika v tsentre mezhgosudarstvennogo protivostoyaniya i pozitsii Rossii [Contours of the Global South: Africa at the Center of Interstate Confrontation and Russia's Position]. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics]* 14(1-2):183-198. DOI: 10.46272/2221-3279-2023-1-2-14-183-198. (In Russian).
2. Bacevich A.J. (2005) *The New American Militarism: How Americans Are Seduced by War*. New York: Oxford University Press.
3. Bacevich A.J. (2009) *The Limits of Power. The End of American Exceptionalism*. New York: Henry Holt and Company.
4. Bacevich A.J. (2010) *Washington Rules. America's Path to Permanent War*. New York: Metropolitan Books.

5. Bacevich A.J. (2013) *Breach of Trust. How Americans Failed Their Soldiers and Their Country*. New York: Metropolitan Book.
6. Bates R. (2007) From Case Studies to Social Science: A Strategy for Political Research. In: Boix C., Stokes S. (eds) *The Oxford Handbook of comparative politics*. Oxford University Press.
7. Busygina I.M., Okunev I.Yu. (eds.) (2015) *Modernizatsiya i demokratizatsiya v stranakh BRIKS [Modernization and Democratization in the BRICS Countries]*. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).
8. Case Studies (2011) In: Badie B., Berg-Schlosser D., Morlino L. (eds.) *International Encyclopedia of Political Science*. Vol. 2. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore; Washington D.C.: Sage.
9. Comparative politics (2011) In: Badie B., Berg-Schlosser D., Morlino L. (eds.) *International Encyclopedia of Political Science*. Vol. 2. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore; Washington D.C.: Sage.
10. Domhoff W.G. (2006) *Who Rules America: Power and Politics*, 5th ed. N.Y.: McGraw-Hill.
11. Domhoff W.G. (2020). *The Corporate Rich and the Power Elite in the Twentieth Century: How They Won and Why Labor and Liberals Lost*. Abingdon, UK: Routledge.
12. Domhoff W.G. (2022). *Who Rules America? The Corporate Rich, White Nationalist Republicans, and Inclusionary Democrats in the 2020s*. Abingdon, UK: Routledge.
13. Domhoff W.G. et al. (2018) *Studying the Power Elite. Fifty Years of Who Rules America?* N.Y.: Routledge.
14. Dyczok M., Gaman-Golutvina O.V. (eds.) (2009) *Media, Democracy and Freedom: The Post-Communist Experience* (Ser. 6 Interdisciplinary Studies on Central and Eastern Europe). Dern: Peter Lang.
15. Gaman-Golutvina O. (2018) Political Elites in the USA under George W. Bush and Barack Obama: Structure and International Politics. *Historical Social Research* 43(4): 141-163. DOI:10.12759/hsr.43.2018.4.141-163.
16. Gaman-Golutvina, O.V. (2025) Mozaika stranovedcheskikh issledovaniy: kazusno-oriyentirovanny podkhod [A Mosaic of Regional Studies: A Case-Oriented Approach]. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics]* 16(1): 4-24. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-16-1. (In Russian).
17. Gaman-Golutvina, O.V. (ed.) (2012) *Politicheskij klass v sovremennom obshchestve. Ser. Biblioteka Rossiyskoy assotsiatsii politicheskoy nauki [Political Class in Modern Society. Series: Library of the Russian Political Science Association]*. Moscow: Rosspen. (In Russian).
18. Gerring J. (2017) *Case Study Research: Principles and Practices*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press. 2nd ed.
19. Henkin S.M. (2020) Trayektorii razvitiya politicheskikh sistem stran Latinskoy Ameriki [Development trajectories of political systems in Latin American countries]. In: Gaman-Golutvina O.V. (ed.) *Politicheskaya komparativistika [Political comparative studies]*. Moscow: Aspekt Press. pp. 643-665. (In Russian).
20. Herron M.C., Quinn K.M. (2016) A Careful Look At Modern Case Selection Methods. *Sociological Methods Res* 45(3): 458-92. DOI: 10.1177/0049124114547053.
21. Higley J. (2006) The Bush Elite: Aberration or Harbinger? In: O'Connor B., Griffiths M. (eds.) *The Rise of Anti-Americanism*. London: Routledge. p. 155-168.
22. Higley J. (2016) *The Endangered West. Myopic Elites and Fragile Social Orders in a Threatening World*. N.Y.: Routledge.
23. Higley J. (2023) *Western Elites and Societies in Twenty-First Century Politics Avoiding Calamity*. Palgrave Macmillan.
24. Higley J., Pakulski J. (2007) Elite and Leadership Change in Liberal Democracies. *Comparative Sociology* 6(1-2): 6-26. DOI: 10.1163/156913307X187388.
25. Kryazhev I. (2024) Sal'vadorskiy opyt bor'by s prestupnost'yu i perspektivy eksporta «modeli Bukele» [The Salvadoran Experience of Combating Crime and the Prospects for Exporting the "Bukele Model"]. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam*

- [*Russian International Affairs Council*], January 24. Available at: <https://russiacouncil.ru/analytics-and-comments/columns/latin-america/salvadorskiy-opyt-borby-s-prestupnostyu-i-perspektivy-eksporta-modeli-bukele/> (accessed 15 August 2025). (In Russian).
26. Mills C.W. (1956) *The Power Elite*. New York: Oxford University Press.
  27. Mills T., Domhoff W. G. (2023) The policy-planning capacity of the American corporate community: Corporations, policy-oriented nonprofits, and the inner circle in 1935-1936 and 2010-2011. *Theory and Society* 52 (4): 1067-1096. DOI:10.1007/s11186-023-09527-2.
  28. Moore G., Mack S. (2007) From Vietnam to Iraq: American Elites' Views on the Use of Military Force. *Comparative Sociology* 6 (1-2): 215-231. DOI:10.1163/156913307X187450.
  29. Patrushev S.V., Filippova L.E. (eds.) (2015) *Istoriya Rossiyskoy assotsiatsii politicheskoy nauki. Ser. Rossiyskaya politicheskaya nauka: Istoki i perspektivy [History of the Russian Political Science Association. Series: Russian Political Science: Origins and Prospects]*. Moscow: Aspect Press. (In Russian).
  30. Sardaryan G. T. (2014) Regionalizatsiya i federalizatsiya v kontekste transformatsii form politiko--terri-torial'nogo ustroystva gosudarstv [Regionalization and federalization in the context of transformation of forms of political-territorial structure of states]. *Politika i obshchestvo [Politics and Society]* 6(114). DOI: 10.7256/1812-8696.2014.6.12359. (In Russian).
  31. Suprun V. I. (ed.) (2011) *Dinamika innovatsiy [Dynamics of innovations]*. Novosibirsk: FSPI "Trends". (In Russian).
  32. Turovsky R. F. (2006) *Politicheskaya regionalistika [Political regionalistics]*. HSE. 792 p. (In Russian).
  33. Ufimtsev A.A., Zamesina S.N. (2025) Integratsiya novykh afrikanskikh chlenov BRICS: primer nauchno-obrazovatel'noy politiki [Integration of new African members of BRICS: an example of scientific and educational policy]. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics]* 16(1):68-88. DOI: 10.46272/2221-3279-2025-1-16-4. (In Russian).